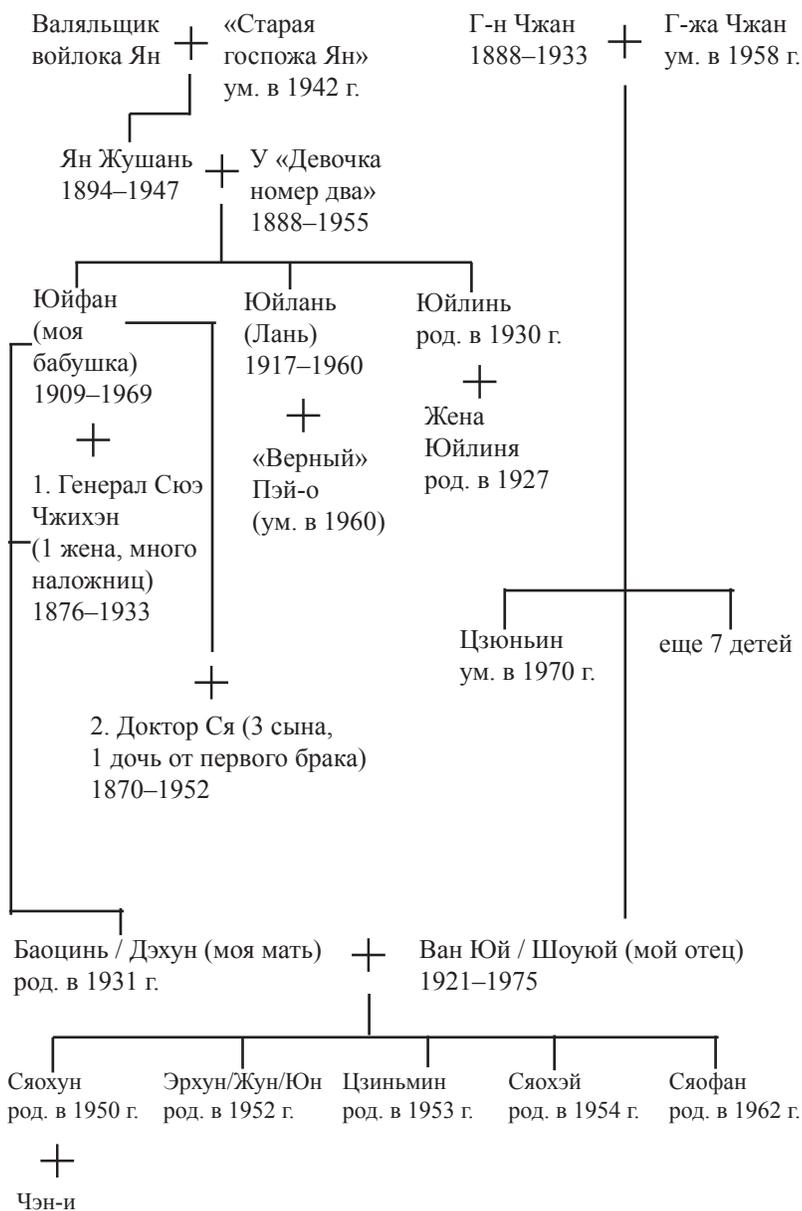

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

Год	Семья / автор	Общие события
1870	Родился доктор Ся	Маньчжурская империя (1644–1911 гг.)
1876	Родился Сюэ Чжихэн (дед)	
1909	Родилась бабушка	
1911		Падение империи; республика; власть местных генералов
1921	Родился отец	
1922–1924	Генерал Сюэ – глава полиции в правительстве генералов в Пекине	
1924	Бабушка становится наложницей генерала Сюэ. Генерал Сюэ теряет власть	
1927		Гоминьдан во главе с Чан Кайши объединяет большую часть Китая
1931	Родилась мама	Япония вторгается в Маньчжурию
1932		Японцы занимают Исянь, Цзиньчжоу. Основано «Маньчжоу-Го» во главе с Пу И
	Бабушка и мама переезжают в Лулун	
1933	Умирает генерал Сюэ	
1934–1935		Великий поход: коммунисты перемещаются в Яньань
1935	Бабушка выходит замуж за доктора Ся	
1936	Доктор Ся, бабушка и мама переезжают в Цзиньчжоу	
1937		Япония вторгается в глубь Китая. Союз коммунистов и Гоминьдана
1938	Отец вступает в Коммунистическую партию	
1940	Отец пешком идет в Яньань	

Год	Семья / автор	Общие события
1945		Японцы сдаются. Цзиньчжоу занимают русские, китайские коммунисты и Гоминьдан
	Отец отправляется в Чаоян	
1946– 1948	Отец в партизанском отряде под Чаояном	Гражданская война между Гоминьданом и коммунистами (до 1949–1950 гг.)
	Мама становится студенческим лидером, вступает в коммунистическое подполье	
1948	Мама арестована	
		Осада Цзиньчжоу
	Отец и мать встречаются	
1949	Родители женятся, покидают Цзиньчжоу и отправляются в поход в Нанкин. У мамы выкидыш. Отец прибывает в Ибинь	Провозглашена Китайская Народная Республика. Коммунисты занимают Сычуань. Чан Кайши бежит на Тайвань
1950	Мама прибывает в Ибинь; сбор пищи, борьба с бандитами	Земельная реформа. Китай вступает в войну в Корее (до июля 1953 г.)
	Родилась Сяохун	
1951		Кампания «по подавлению контрреволюционеров» (казнен Хуэйгэ)
	Мама – глава Ибиньского комитета комсомола; ее начальница – товарищ Тин; полное членство в партии. Бабушка и доктор Ся приезжают в Ибинь	Движение против «трех зол»
1952	Родилась я. Умер доктор Ся. Отец – губернатор Исяня	Движение против «пяти зол»
	Родился Цзиньмин. Семья переезжает в Чэнду. Мама возглавляет отдел пропаганды Восточного района	

Год	Семья / автор	Общие события
1954	Отец – заместитель главы отдела пропаганды провинции Сычуань. Родился Сяохэй	
1955	Мама под арестом Детей отправляют в ясли	Движение по раскрытию «тайных контрреволюционеров» (на друзей из Цзиньчжоу навешены ярлыки). Национализация
1956	Маму освобождают	Сто цветов
1957		Движение против «правых элементов»
1958	Я иду в школу	Большой скачок: сталеплавильные печи во дворах и коммуны
1959		Голод (до 1961 г.) Пэн Дэхуай бросает вызов Мао, он заклеивает. Движение против «правых оппортунистов»
1962	Родилась Сяофан	
1963		«Учеба у Лэйфэна»; развертывание культа Мао
1966	Отец сделан козлом отпущения, его арестовывают. Мама отправляется в Пекин для подачи апелляции. Отца освобождают. Я вступаю в хунвэйбины; паломничество в Пекин. Я выхожу их хунвэйбинов	Начало культурной революции
1967	Родителей преследуют. Отец пишет Мао письмо; его арестовывают; психическое расстройство. Мама отправляется в Пекин, встречается с Чжоу Эньлаем. Родителей в Чэнду то арестовывают, то выпускают (до 1969 г.)	Маршалам не удается остановить культурную революцию. Власть Тинов в Сычуани

Год	Семья / автор	Общие события
1968	Семью выселяют	Создание Сычуаньского революционного комитета
1969	Отца отправляют в лагерь Мии. Меня высылают в Ниннань	Девятый съезд оформляет культурную революцию
	Умирает бабушка. Я занимаюсь крестьянским трудом в Дзяне. Маму отправляют в лагерь Сичан	
1970	Умирает тетя Цзюньин. Я становлюсь «босоногим врачом»	Увольнение Тинов
1971	Мама тяжело больна; ее отправляют в больницу в Чэнду. Маму реабилитируют. Я возвращаюсь в Чэнду, работаю рабочим-металлургом и электриком	Умирает Линь Бяо
1972	Отца освобождают	Визит Никсона
1973	Я поступаю в Сычуаньский университет	Возвращение Дэн Сяопина
1975	Отец умирает. Я впервые встречаюсь с иностранцами	
1976		Умирает Чжоу Энлай; изгнание Дэн Сяопина. Демонстрации на площади Тяньаньмэнь. Умирает Мао; арестована «банда четырех»
1977	Я становлюсь младшим преподавателем; меня отправляют в деревню	Возвращение к власти Дэн Сяопина
1978	Я выигрываю стипендию на поездку в Великобританию	

1. «ЗОЛОТЫЕ ЛОТОСЫ ДЛИНОЙ В ТРИ ЦУНЯ³» – ГЕНЕРАЛЬСКАЯ НАЛОЖНИЦА

1909–1933 гг.

В пятнадцать лет моя бабушка стала наложницей генерала — в ту пору министра полиции в шатком правительстве Китая. На дворе стоял 1924 год, в стране царил хаос. Почти на всей территории страны, включая Маньчжурию, где жила бабушка, установилась власть генералов. Сватовство состоялось благодаря хлопотам ее отца — чиновника полиции из провинциального городка Исянь, находившегося на юго-западе Маньчжурии примерно в полутора-ста километрах на север от Великой Китайской стены и в четырех-стах километрах на северо-восток от Пекина.

Подобно большинству китайских городов, Исянь был построен как крепость. Его окружали возведенные в эпоху Тан (618–907 гг.) зубчатые стены толщиной в шесть и высотой в девять метров, с шестнадцатью караульными башнями, поставленными на равном расстоянии друг от друга; такие широкие, что по ним можно было без труда проскакать верхом. В город вело четверо ворот — по четырем сторонам света, — защищенных снаружи еще одними внешними воротами, а опоясывал все эти укрепления глубокий ров.

³ Мера длины, примерно 3,3 см.

Главной городской достопримечательностью считалась высокая, богато украшенная башня из темно-коричневого камня, построенная в VI веке, когда в эти края пришел буддизм. По ночам с башни раздавался колокольный звон — так отмечали время, а порой и предупреждали о пожарах и наводнениях. Исянь был процветающим торговым городом. На близлежащих равнинах выращивали хлопок, кукурузу, гаолян, сою, кунжут, груши, яблоки и виноград. На пастбищах и холмах к западу от города крестьяне разводили овец и крупный рогатый скот.

Мой прадед, Ян Жушань, родился в 1894 году, когда император еще правил Китаем и жил в Пекине. На самом деле у власти стояли маньчжуры, потомки тех, кто завоевали Китай в 1644 году. Яны были ханьцами, то есть этническими китайцами; они переселились на север от Китайской стены в поисках лучшей жизни.

Ян Жушань был единственным сыном в семье. Родители окружали его особой заботой, так как лишь сын мог сохранить фамилию, передав ее детям. В противном случае род прерывался, и, согласно китайским верованиям, совершалось величайшее преступление по отношению к предкам. Моего прадеда отдали в хорошую школу. Впоследствии ему предстояло сдать экзамены на чиновничью должность — в те времена главный предмет мечтаний большинства китайских мужчин. Должность давала власть, а власть — деньги. Без власти и денег невозможно было оградить себя от чиновничьих поборов и произвола. В стране царило беззаконие: суд был пристрастен, жестокость возведена в обычай и ничем не ограничена. Чиновник, обладавший властью, воплощал собой закон. Только став мандарином, человек незнатного происхождения мог вырваться из этого круга несправедливости и страха. Ян-отец решил, что не допустит, чтобы сын стал валяльщиком войлока, как он сам, и посвятил жизнь и свою, и всей семье воспитанию наследника. Женщины брали надомную работу у местных портных и засиживались над шитьем до глубокой ночи. Из экономии они до предела прикручивали фитилек в масляных лампах и нещадно портили себе зрение; костяшки пальцев распухали от изнурительной работы.

По существовавшему обычаю, прадеда моего женили рано — в четырнадцать лет — на женщине старше его шестью годами. Считалось, что в обязанности супруги входит также и воспитание мужа.

Судьба его жены, моей прабабки, была типичной — в то время так жили миллионы китайцев. Происходила она из рода кожевников по фамилии У. Так как семья ее не отличалась ни образованностью, ни высоким социальным положением, а ее угораздило родиться девочкой, ей даже не дали имени. Как вторую дочь в семье, ее просто называли «девочкой номер два» (*эр-ятоу*). Отца она потеряла во младенчестве и росла у дяди. Когда ей было шесть лет, дядя как-то обедал с приятелем, чья жена была беременна. За обедом мужчины договорились, что, если родится мальчик, детей поженят. До свадьбы молодые ни разу не виделись. Любовь считалась делом чуть ли не постыдным, позором для семьи. И не потому, что находилась под запретом — в конце концов, в Китае существовала освященная веками традиция романтической любви; у девушек и юношей просто не могло быть случая полюбить друг друга: встречи до брака считались безнравственными, а кроме того, на супружество смотрели прежде всего как на долг, как на союз двух семей. Влюбиться можно было, если повезет, после свадьбы.

В четырнадцать лет мой выросший в четырех стенах прадедушка был еще ребенком. В первую брачную ночь он не пожелал взойти на супружеское ложе, лег в спальне у матери, и пришлось перенести его к невесте уже спящим. Но хотя он был избалованным мальчишкой, который даже одеваться не умел сам, по словам жены, он уже знал, как «сеют детей». Моя бабушка родилась через год после свадьбы — в пятый день пятой луны, в начале лета 1909 года. Ей повезло больше, чем матери, потому что ей дали имя — Юйфан. *Юй*, то есть «яшма», — родовое имя всех потомков семьи в бабушкином поколении, а *фан* означает «душистые цветы».

Мир, в который она пришла, был совершенно непредсказуем. Маньчжурская династия, правившая Китаем больше 260 лет, быстро теряла свое влияние. В 94–95-м годах XIX века Япония нанесла Китаю сокрушительное поражение и захватила часть Маньчжурии. В 1900 году восемь иностранных держав, подавив

националистическое боксерское восстание⁴, частично оставили свои войска в Маньчжурии, частично — у Китайской стены. В 1904–1905 годах в маньчжурских степях шла жестокая война между Японией и Россией. Победа превратила Японию в главную боевую силу региона. В 1911 году пятилетний император Пу И был свергнут, и Китай стал республикой, которую на короткое время возглавил харизматический лидер Сунь Ятсен.

Новое республиканское правительство вскоре пало, и страна раздробилась на уделы. В Маньчжурии, на родине последней династии, усилились антиреспубликанские настроения. Иностранные державы, особенно Япония, стали открыто посягать на маньчжурские земли. В результате все общественные институты пришли в упадок, наступило безвластие, люди утратили моральные ориентиры. Многие пытались пробиться наверх, подкупая местных владык дорогими подарками: золотом, серебром, драгоценностями. Мой прадедушка был не так богат, чтобы купить себе теплое местечко в каком-нибудь большом городе, и к тридцати годам добился лишь чиновничьей должности в полицейском участке родного захолустного Исяня. Но у него были большие планы на будущее. И настоящее сокровище — дочь.

Моя бабушка была красавица с овальным лицом, румяными щеками и светящейся кожей. Длинные блестящие волосы она заплетала в косу, достававшую до пояса. Бабушка умела держаться скромницей (когда того требовали обстоятельства, то есть почти всегда), но под внешним спокойствием скрывался порывистый нрав. Она была небольшого роста — примерно метр шестьдесят, — стройная, с покатыми плечами, что считалось верхом изящества.

Главным же ее достоинством были крошечные ножки, называемые по-китайски «золотыми лотосами длиной в три цуня» (*сань-цунь-цзинь-лянь*). Это значило, что при ходьбе она напоминает

⁴ Боксерское восстание произошло в Северном Китае в 1899–1901 гг. Начато тайным обществом Ихэтуань («Общество справедливости и согласия»). Подавлено войсками Японии, Германии, Великобритании, Франции, США, Италии, Австро-Венгрии и России.

«нежные ивовые побеги, овеваемые весенним ветерком», как говорили китайские ценители женской красоты. Вид женщины, покачивающейся на крохотных ножках, должен был пробуждать в мужчине желание, отчасти потому, что ее хрупкость вызывала у него стремление защитить ее. Ноги бабушке забинтовали в двухлетнем возрасте. Ее мать, ходившая на таких же ножках, сначала спеленала ей ступни шестиметровым куском белой ткани, подогнув все пальцы, кроме большого, под подошву, потом придавила ногу в подъеме камнем, чтобы сломать кости. Бабушка кричала от страшной боли, умоляла мать перестать, и той пришлось заткнуть ей рот матерчатым кляпом. Не выдерживая мук, бабушка несколько раз падала в обморок.

Этот процесс продолжался несколько лет. Даже сломанные ступни следовало держать забинтованными день и ночь, потому что без повязки они сразу начали бы заживать. Годами бабушка жила в состоянии непрестанной, изнуряющей боли. Когда она умоляла мать разбинтовать ноги, та плакала и говорила, что небинтованные ноги сделают ее несчастной и что это делается для ее же блага.

В те времена, когда женщина выходила замуж, семья жениха прежде всего проверяла, какие у нее ноги. Большие, то есть нормальные, ноги пятнали репутацию всего дома. Свекровь приподнимала край длинной юбки невесты и, если ступни были длиннее четырех цуней, с презрением срывала юбку и отходила в сторону, оставив невесту под критическими взглядами гостей, глазевших на ее ноги и отпускаявших оскорбительные замечания. Порой мать, сжалившись над дочерью, разбинтовывала ей ступни; но когда девочка вырастала и сталкивалась с презрением в семье мужа и осуждением общества, то винила мать за слабость.

По преданию, обычай бинтовать ноги был введен тысячу лет тому назад одной из императорских наложниц. Дело было не только в том, что вид женщины, хромающей на крошечных ножках, казался мужчинам привлекательным, — им также необычайно нравилось играть с забинтованными ножками, неизменно обутыми в шелковые вышитые туфельки. Ведь даже повзрослев, женщины не могли снять повязки, потому что тогда ступни сразу начинали расти. Дозволялось только, ослабив бинты на ночь, надеть туфли

на мягкой подошве. Мужчинам редко доводилось видеть ножки босыми — они обычно бывали покрыты струпьями и без бинтов источали дурной запах. Я с детства помню, как бабушку непрерывно мучили боли. Когда мы возвращались домой с покупками, она сразу же опускала ноги в таз с горячей водой, вздыхая с облегчением. Затем она принималась обрезать кусочки омертвевшей кожи. Болели не только сломанные кости, но и подушечки пальцев с вросшими в них ногтями.

По иронии судьбы, моей бабушке забинтовали ноги как раз тогда, когда этот обычай стал уходить в прошлое. Ее сестра, родившаяся в 1917 году, уже не знала подобных мучений — с бинтованием ног было покончено.

Тем не менее, когда бабушка была девочкой, в таком маленьком городке, как Исянь, по-прежнему считалось, что без маленьких ножек хорошей партии не сделать. Но это было только начало — отец хотел воспитать из дочери благородную даму или высококлассную куртизанку. Вопреки общепринятому в ту пору мнению, что добродетельная женщина из низов должна быть неграмотной, он отдал ее в городскую школу для девочек, учрежденную в 1905 году. Бабушка также обучалась игре в китайские шахматы, мацзян⁵ и шашки, брала уроки рисования и вышивки. Более всего ей нравилось изображать уток-мандаринок (символ любви, потому что они всегда плавают парами) — она расшивала ими крошечные туфельки, которые сама себе мастерила. Чтобы сделать список ее достоинств совершенно блестящим, к ней пригласили учителя музыки, наставлявшего ее в игре на цине — инструменте наподобие цитры.

Бабушка считалась первой красавицей в городе. Местные жители говорили, что она как «журавль среди кур». В 1924 году ей было пятнадцать лет, и отец ее волновался, как бы единственное его сокровище не перезрело, обманув его надежды на безбедную жизнь. Как раз тогда в городок приехал генерал Сюэ Чжихэн, главный инспектор столичной полиции в пекинском военном правительстве.

⁵ Китайская азартная игра вроде домино (по-русски ее иногда называют «маджонг»).

Сюэ Чжихэн родился в 1876 году в уезде Лулун, что в полутора-ста километрах к востоку от Пекина — чуть южнее Великой стены, там, где обширная Северо-Китайская равнина встречается с горами. Он был старшим из четырех сыновей сельского учителя.

Сюэ Чжихэн обладал прекрасной, внушительной внешностью, производившей впечатление на всех, кто с ним встречался. Несколько слепых прорицателей предсказали, ощупав его лицо, что он взлетит высоко. Он был одаренным каллиграфом, а это чрезвычайно ценилось. В 1908 году Лулун посетил военный диктатор Ван Хуайцин. Он обратил внимание на изящную надпись на табличке у входа в главный храм и пожелал встретиться с ее автором. Тридцатидвухлетний Сюэ понравился Вану, и генерал взял его к себе в адъютанты.

Тот проявил незаурядные способности и вскоре был назначен интендантом. Непрерывно разъезжая по делам службы, он попутно открывал собственные продовольственные магазины вокруг Лулуна и по другую сторону Великой стены — в Маньчжурии. Его звезда загорелась еще ярче после того, как он помог генералу Вану подавить восстание во Внутренней Монголии. Стремительно нажив состояние, он построил по собственному плану особняк в Лулуэ — там была восемьдесят одна комната.

За десятилетие, прошедшее после краха империи, ни одно правительство не сумело распространить свое влияние на всю территорию страны. Военные диктаторы вступили в борьбу за контроль над центральным пекинским правительством. В начале 20-х годов главную роль в этом номинальном правительстве играла группировка генерала У Пэйфу, в которую входил Сюэ. В 1922 году Сюэ стал главным инспектором центральной полиции и одним из начальников находившегося в Пекине департамента общественных работ. Ему подчинялись двадцать областей по обе стороны Китайской стены и более десяти тысяч полицейских, конных и пеших. Должность в полиции обеспечивала ему власть, а в департаменте общественных работ — высокое покровительство.

Однако о вассальной верности в те времена говорить не приходилось. В мае 1923 года группировка генерала Сюэ решила избавиться